

Хэлл
Росса

ДВА ДУРАКА

бабушка и искусство манипуляции

Любовь? Легко.
Главное — стратегия!

Моя формула счастья:
 Он
18+
 Идеально!

ХЭЛЛЬ РОССА

**Два дурака, бабушка и
искусство манипуляции**

«Автор»

2026

Росса Х.

Два дурака, бабушка и искусство манипуляции / Х. Росса —
«Автор», 2026

Что делать, если женщина, которую нельзя купить, становится испытанием для богатого и харизматичного СЕО? Максим привык к женщинам податливым, жаждущим его внимания. Эта? Она пролила кофе на его дорожную рубашку — и с первого взгляда вызвала бурю эмоций: гнев, раздражение... и неуместное притяжение. И какого-то черта его бабушка решила взять эту мегеру в обличие овечки под своё покровительство? Словесные перепалки, манипулирующая бабушка, притяжение на грани запрета и страсти — так начинается история, где правила рушатся, а независимая ассистентка становится самым опасным и желанным испытанием в его жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Хэлль Росса

Два дурака, бабушка и искусство манипуляции

Глава 1

Одно правило, которое я выучила за годы жизни в этом городе: если ты спешишь, Вселенная обязательно подставит тебе подножку. И сегодня эта подножка была ростом под метр девяносто, пахла дорогим древесным парфюмом и носила костюм, который стоил больше, чем моя годовая аренда.

Я вышла из кафе «Эспрессо-Контур» с картонным стаканом прекрасного сырного капучино в руке. Моим щитом и оружием перед важным собеседованием.

Внутри плескалась не просто арабика с молоком — это была порция жидкой храбрости, последний якорь перед погружением в мир высоких ставок и холодных стеклянных небоскребов.

Я проверила время на телефоне — полчаса до встречи с легендарной Ниной Путятиной, владелицей «НоваМедик».

Времени впритык, но достаточно, чтобы добраться пешком, не превратившись в потную размазню. Идеальный аналитический расчет...

...Если не брать во внимание переменную под названием «*самоуверенный идиот*».

Я сделала шаг на тротуар, поправляя сумку на плече, и в этот момент мой щит встретился с этакой ходячей витриной мужского глянца.

Удар был резким.

Горячая жидкость вырвалась из прорези в крышке, описала дугу в воздухе и с тихим шипящим звуком впечаталась в белоснежную ткань его белоснежной рубашки.

Пятно расплзлось, как карта континента, мгновенно проступившая на идеальном полотне. Коричневая, мокрая, отвратительно реальная.

Время замерло на секунду. Ровно на столько, чтобы мой мозг успел проанализировать катастрофу: рубашка — шёлк или тончайший египетский хлопок, костюм — темно-серый, идеально сидящий на широких плечах, часы на его запястье — механические, с циферблатом, похожим на приборную панель истребителя. И его лицо.

Боже. Его лицо.

Оно было резким, почти скульптурным, с высокими скулами и жёсткой линией подбородка. Тёмно-русые волосы, коротко стриженные, лежали с той раздражающе безупречной небрежностью, которая стоит дороже любой укладки.

Ни одного волоска не было *нена* месте — будто он родился уже с этой идеальной текстурой и в данный момент просто сошёл с утренней обложки мужского журнала, а не с тротуара мегаполиса.

Это была «непринуждённость», которую можно купить либо за очень большие деньги или получить в подарок от природы, что, в любом случае одинаково бесило.

А глаза... Серо-голубые, как зимнее небо перед бурей.

И сейчас в них полыхал настоящий огонь.

— Вы что, совершенно не смотрите, куда идёте? — его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, от которой у представительниц слабого пола, вероятно, поголовно подгибались колени.

Вся моя подготовка к собеседованию, все установки на спокойствие и достоинство, испарились, сожжённые адреналином и обидой от несправедливого! — И еще какого! — обвинения.

— Я смотрела, — парировала я, не опуская взгляд. Мой голос прозвучал холоднее, чем я ожидала. Хорошо. — Но, видимо, вы решили, что тротуар — это ваша приватная взлётная полоса. Или просто место для демонстрации павлиньих перьев.

Я чуть не прикусила язык, но было поздно.

Его бровь дрогнула. Он явно не привык, чтобы ему отвечали в таком тоне.

Он медленно, с преувеличенным отвращением, посмотрел на всё ещё растущее пятно на своей груди.

— Эта рубашка от Zegna. Её нельзя отстирать.

— Что ж, поздравляю. Вы теперь обладатель уникального принта «Капучино эпохи антагонизма». Возможно, это положит начало новой линии для бутиковых манекенов.

Я пожалела о словах мгновенно, но было поздно. Глаза его сузились. Он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию достаточно, чтобы я ощутила исходящее от него тепло и запах.

Боже, этот запах...

Original Wood от DSQUARED. Тот, от которого у меня всегда возникало глупое, неконтролируемое желание прижаться к источнику этого запаха и вдохнуть глубже. Деревя или леса. Такой мягкий и...

Я заставила себя собрать пустившиеся в пляс мысли. Мой желудок предательски сжался, но не от страха, что было бы лучше. От чего-то другого, резкого и совершенно нежеланного.

— Вы понимаете, что из-за вашей небрежности мне придётся отменить встречу? — прошипел он. Его взгляд скользнул по мне, оценивающе, быстро: волосы, собранные в деловой пучок, простой, но аккуратный пиджак, каблуки, на которых я уверенно держалась, несмотря на желание провалиться сквозь землю.

Он всё просканировал.

Казалось, я вижу, как в его взгляде мелькают цифры, и мой образ резко падает в графе «ориентировочная стоимость внимания» — до нуля.

— Искренне сочувствую вашему горю, — сказала я, чувствуя, как ярость поднимается по позвоночнику новой горячей волной. — Но, если вы руководите чем-то важнее, чем собственный гардероб, у вас наверняка есть запасная рубашка.

Прохожие начали замедлять шаг, бросая на нас любопытные взгляды.

Действительно, какое уморительное зрелище — молодая женщина в деловом костюме и разгневанный аристократического вида здоровяк, посреди тротуара, с коричневым пятном на белом.

Этакий символ всего, что могло пойти и пошло не так.

Унижение щекотало кожу жгучими мурашками. Я ненавидела публичные сцены. Ненавидела быть центром внимания, особенно такого.

Он заметил эти взгляды и, кажется, они разозлили его ещё больше. Но в его глазах, прямо под слоем ледяного гнева, мелькнуло что-то ещё.

Недоумение? Интерес?

Он снова пристально посмотрел на меня, и на этот раз его взгляд задержался на лице, на моих глазах. Я почувствовала, как по моей спине пробежал холодок, несмотря на тепло вечера. Мое сердце, глупый предательский орган, участило стук.

— У вас наглости не занимать, — произнёс он тише, но так, что каждое слово било точно в цель. — Обычно люди в вашем положении хотя бы пытаются извиниться.

— В моём положении? — Я перевела дух, собирая всю свою саркастичную волю в кулак. — В положении человека, в которого вы врзались, даже не потрудившись посмотреть по сторонам? Которому вы только что сломали график и испортили настроение перед критически

важным событием? Да, извините, что не упала в благоговейном трепете и не начала вытирать ваши лаковые ботинки своим пиджаком.

Мы стояли, разделенные тремя шагами растекшегося кофе на асфальте.

Свет солнца падал на него, отливая золотом в его прядях. Он был невероятно хорош собой. Опасно, раздражающе хорош.

И он *знал* это.

Каждая линия его тела кричала об этом — от идеальной осанки до того, как он держал руки, слегка сжав кулаки, но не опуская их.

Всё, абсолютно всё во мне возмущалось **им**, его высокомерием, его уверенностью, что мир должен остановиться, а присутствующие пасть ниц.

И всё же... что-то первобытное, глупое и химически чистое в моей крови отозвалось на этот вызов. На эту агрессивную, неоспоримую мужскую силу.

Я мысленно пнула себя за эту мысль. Хорошенько пнула.

Идиотизм высшей пробы, Валерия. Он же тебя только что публично облил грязью.

— Знаете что? — Его рука взметнулась в жесте, который ясно говорил: «мне плевать, исчезни». — Считайте, что вам повезло. У меня нет времени на выскочек с тротуара.

Последнее, что я успела заметить — его взгляд, соскользнувший с моих глаз и резко упёршийся куда-то в область моего подбородка. Будто искал слабое место. Его челюсть напряглась — явно сжал зубы.

Отлично. Значит, зацепило. Надеюсь, не планирует апгрейд до рукоприкладства, — мелькнула у меня дурацкая мысль.

И тут же, словно в озарении, последовал холодный укол паники: черт, время! Моё интервью... в корпорацию моей мечты! Ёлки-палки! А я тут...

Но говорить мне в этот раз даже ничего не пришлось, потому что свой нахальный рот открыл этот неприятный тип.

— Пропадите, — бросил он через плечо, уже разворачиваясь.

И ушёл. Не побеждённый, но и не победивший. Как говорится.

Я стояла ещё с минуту, пытаюсь унять дрожь в коленях. И дышала глубже, пытаюсь вернуть контроль. Запах кофе, его адеколона и бессильная ярость висели в воздухе.

Я посмотрела на свои часы. Двадцать минут. Вздохнула.

Вот же ж чёрт...

Глава 2

Лифт на пятидесятый этаж двигался бесшумно и слишком быстро. В зеркальной стене напротив моё отражение делало вид, что оно спокойно. Волосы — в порядке, на помаде — ни трещины, под глазами — никаких следов паники от утреннего кофейного побоища. Молодец, отражение. Врешь как дышишь.

Я проверила часы. Опоздание — четырнадцать минут. Четырнадцать. Черт.

Чёрт!

Виножник опоздания — это здоровенное эго в дорогом костюме, которое сейчас, надеюсь, оттирает пятна лично и проклинает мое существование. Мысль согревала душу примерно на ноль целых хрен десятых градуса.

Дверь лифта раздвинулась беззвучно.

Передо мной раскинулся эталон корпоративной эффективности в дорогой оправе. Приглушённый, деловой гул — ровный тембр переговоров, быстрые нажатия на кнопки клавиатуры.

Сотрудники, будто отобранные по каталогу «Успешный профессионал: офисная коллекция», двигались по пространству с целеустремленностью хирургов.

Женщина у стойки ресепшена с безупречным хвостом и холодной улыбкой одновременно говорила по гарнитуре и проверяла что-то на планшете. Мимо промчался парень лет тридцати в модных очках и кроссовках с костюмом, неся в руках макет какой-то биотехнологической установки.

Здесь пахло деньгами, но не наличными — деньгами, вложенными в людей, в дизайн, в эту иллюзию, что весь мир решается именно здесь, среди стекла, стали и бешеного темпа мысли. Хех, отчасти так оно, наверное, и было.

Меня встретила женщина, выглядевшая на безупречные шестьдесят — если, конечно, ей было шестьдесят. Её лицо было эталоном сдержанной элегантности, а кожа излучала такое здоровое, ровное сияние, что это сразу переставало быть вопросом генетики и превращалось в вопрос бюджета и технологий. Это не просто хорошо сохранившаяся дама. Это была ходячая рекламная кампания линейки антивозрастных препаратов и космецевтики «NovaMedic Vitality». Каждая морщинка лежала в идеальном, «правильном» месте, подчёркивая опыт, а не возраст. Она не просто выглядела прекрасно — она выглядела *эффектно*, как самое убедительное живое подтверждение концепции компании: «наша продукция не маскирует, а трансформирует». В этом была почти пугающая сила.

— Валерия Ивановна? Пожалуйста, пройдите.

Ни улыбки, ни лишних слов.

Меня провели через лабиринт переговорных к единственной массивной двери из тёмного дерева. На ней не было таблички. Власть не нуждается в анонсах.

Кабинет заставил дыхание замереть на полсекунды. От осознания масштабов игры.

Панорамные окна во всю стену предлагали Москву, как на ладони — игрушечную, далёкую, не имеющую к этому помещению никакого отношения. Интерьер был минималистичным: гигантский стол цвета венге, два кожаных кресла перед ним, один — за ним. Ни одной лишней бумажки, ни одного безделушки.

Этот рабочий кабинет Лере представлялся не иначе, как командный пункт.

За столом сидела Нина Ильинична Путяткина.

Я вошла, внутренне приготовившись к упрёку за опоздание. Четырнадцать минут — для такого места, как вечность. Но в её взгляде не было ни упрёка, ни интереса к моим извинениям. Её интересовало только то, как я сейчас буду из этого опоздания выкручиваться.

Она не была похожа на добрую бабушку. Она была похожа на императрицу, восседавшую на троне половину моей жизни.

Мне попадались статьи, после смерти мужа она не согнулась, а наоборот — выпрямилась в стальную колонну, подняв эту корпорацию из регионального поставщика на невиданные вершины. И глядя на неё, *верилось*.

Строгое платье-футляр серого цвета сидело на ней как красивая, дорогушая, униформа полковника. Серебристые волосы безупречно уложенные, не пытались казаться моложе — они декларировали власть. Взгляд из-под очков был тяжёлым и оценивающим. Это был взгляд человека, не привыкшего просить, но распределять ресурсы, в том числе и человеческие.

Она не улыбнулась. Не кивнула. Просто жестом, не терпящим промедлений, указала на кресло напротив.

— Садитесь, Валерия Ивановна. Вы уже потратили достаточно моего времени.

Её голос не содержал ни единой эмоциональной вибрации, но в этой фразе прозвучал первый, точный укол.

Я села на стул, чувствуя себя снова школьницей. Сплела пальцы на коленях, чтобы они не выдали дрожи. Адреналин от утренней стычки всё ещё гулял по венам, но здесь, под этим взглядом, даже он замерзал.

Это была её территория, её правила. Моя задача — не споткнуться.

Она взяла моё резюме — один лист А4 — бегло просмотрела его и отложила в сторону. Без комментариев. Понятно. Мои университеты и прошлые места работы её интересовали примерно, как погода на Марсе. Она покупала не навыки из файла, а человека перед собой. И сейчас собиралась провести стресс-тест.

— Расскажите о ситуации, когда ваш непосредственный начальник давал вам заведомо неэтичное, но юридически безупречное поручение, — начала она без преамбул. — Не теоретически. Из вашего опыта.

Уголки её губ чуть дрогнули. Ей нравилось ставить людей в неловкое положение. Нравилось наблюдать, как они путаются между откровенностью и самосохранением.

— Позвольте я отвечу гипотетически, — сказала я, слегка наклонив голову. — Потому что любой конкретный пример из чужой компании — это нарушение конфиденциальности. А пример из моей собственной практики... Будем честны, если бы я действительно выполнила такое поручение, я бы не сидела здесь. А если бы отказалась и рассказала об этом, моя репутация была бы подмочена намёками на непокорность. Так что мой гипотетический ответ — молчание.

— Молчание?

— Да. Я бы ничего не сделала. Не выполнила и не отказалась. Я бы инициировала параллельный процесс, который сделал бы изначальное поручение неактуальным. Например, гипотетически, если речь о «сглаживании» данных, я бы ускорила работу над настоящим решением проблемы, которая эти данные портит. И представила бы новый отчёт, где старые цифры уже не имеют значения. Проблема решена, принципы не нарушены, начальник спасён от самого себя. Идеальный исход предполагает, что у меня достаточно компетенций, чтобы не просто упираться, а предлагать выход.

Её глаза сузились на долю секунды. Ни одобрения, ни порицания. Просто фиксация факта.

— Допустим, в рамках анализа управленческой вертикали вы выявляете руководителя высшего звена. Он показывает блестящие финансовые результаты, но ваш сбор данных указывает на аномально высокую текучку и «утечку» перспективных кадров именно из его департамента. Формальных жалоб нет, но косвенные признаки — стиль общения, атмосфера страха, подавленная инициатива — говорят о системной управленческой проблеме. Вы включаете это в отчёт? И если да, то как аргументируете риск, который нельзя измерить прямой цифрой?

Вопрос стал точнее. О выявлении скрытых дисфункций, которые угрожают бизнесу. Именно этим и должен заниматься стратегический аналитик.

Лера даже немного вздохнула.

— Безусловно, включая, — ответила я, чувствуя, как мысль набирает чёткость. — Но не как моральный вердикт, а как комплексный риск. Я бы структурировал его по трём векторам.

— Продолжайте.

— Первый: операционный риск. Высокая текучка — это прямые финансовые потери. Второй: стратегический риск. В атмосфере страха гибнет инновация и горизонтальное взаимодействие. Компания теряет в гибкости и скорости реакции на рынок. Третий: репутационный и кадровый риск. Компания незаметно теряет лояльных и талантливых специалистов, которые уходят к конкурентам, а внутри формируется культура молчаливого согласия, которая в кризис приводит к катастрофическим ошибкам.

— Вы описываете гипотетические угрозы. Руководство потребует доказательств, а не психологических портретов.

— Доказательства — в цифрах, которые уже есть. Процент текучки в его команде против среднего по компании. Сравнительный анализ показателей его департамента за 2-3 года: возможно, краткосрочный всплеск эффективности сменился стагнацией. Статистика внутренних переводов из его команды. Косвенные данные — увеличение числа больничных, общее снижение активности. Моя задача — собрать эти разрозненные сигналы в связную картину риска и оценить его потенциальную стоимость. Потому что один токсичный лидер может годами скрыто обесценивать инвестиции в человеческий капитал, а это — самый дорогой актив.

Она медленно кивнула, будто что-то отмечая про себя в невидимом чек-листе.

— Как вы поступите, — голос Нины Путятиной звучал ровно, будто она спрашивала о погоде, — если ваша прямая обязанность — дать жёсткую, возможно, уничтожающую оценку человеку, от которого зависит ваше будущее в этой компании? Не системе. Конкретному человеку. И ваше мнение будет противоречить мнению... скажем, всех остальных.

Вопрос был острым. Это уже не было абстрактное «спасение проекта». Этот был про власть.

И про страх.

Я почувствовала, как воздух в кабинете словно замер. Она смотрела на меня неотрывно, выжидая. Проверая, сломаюсь ли я под весом этой неозвученной, но очевидной правды: речь идёт о ком-то очень важном.

— Это... не сложно, — сказала я, выдерживая её взгляд и попутно пытаюсь понять, где тут подвох. — Это профессиональный стандарт. Если моя оценка будет куплена страхом или перспективой, она станет бесполезной. А значит, и я — тоже. Вы нанимаете меня не для того, чтобы я говорила то, что вы *хотите* услышать. Вы нанимаете меня, чтобы я говорила то, что вам *нужно* знать. Даже если это неприятно.

— Допустим, этот человек — лицо компании. Его репутация — часть активов. Ваш негативный вердикт может спровоцировать кризис.

— Тогда тем более. Если фундамент дал трещину, вы вызываете инженера, а не художника-декоратора. Моя задача — показать трещину, её глубину и варианты ремонта. Скрывать её — значит гарантировать обвал. Просто отложенный во времени.

Она медленно откинулась в кресле. В её глазах мелькнуло что-то — ещё не одобрение, но, возможно, уже интерес.

— Вы говорите об этике не как о добродетели, а как о... контрольном пункте.

— Это и есть контрольный пункт. Последний. После него начинается территория профессиональной несостоятельности. Я не могу давать точные расчёты, если заранее знаю, какие цифры запрещены. Это... брак в работе.

Тишина снова наполнила комнату. Нина Путятина смотрела на меня так, будто пересчитывала все мои кости, оценивая прочность каркаса.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Допустим, объектом вашей оценки станет человек с безупречными внешними результатами. Но с... проблемным управленческим стилем. Вспыльчивый. Нетерпимый. Склонный принимать решения на эмоциях, которые он сам называет интуицией. Вы будете работать в непосредственной близости от него. Его расположение будет определять ваш доступ к информации. Его неприязнь может сделать вашу работу невозможной. Вы всё равно запишете в отчёт: «эмоционально нестабилен, представляет скрытый риск»?

— Моя работа — анализ, а не терапия, — ответила я. — Если его стиль управления создаёт риски — будь то текучка кадров, принятие ошибочных решений или репутационные потери, — я обязана это зафиксировать. То, как упомянутый вами воспримет эту информацию — это показатель его управленческой зрелости. Или её отсутствия. И это тоже — данные для анализа.

Кажется, на её лице промелькнула тень чего-то, что у обычных людей могло бы стать улыбкой.

— Вы не боитесь, что данный тип управленца вас просто... сметёт? Что ваши границы окажутся картонными для человека, который привык ломать правила?

В её голосе не было угрозы. Отчего-то именно эта часть интервью интересовала леди-босс особенно сильно.

— Если он сметёт меня за профессиональное мнение, — сказала я, и в моём собственном голосе прозвучала сталь, — то это будет самый яркий и неопровержимый показатель его некомпетентности. И ваш отчёт напишется сам собой. Без единого слова с моей стороны.

Нина Путятина замерла. Она смотрела на меня долгих десять секунд, которые растянулись в минуту. Потом её пальцы едва заметно постукали по поверхности стола.

В её взгляде что-то окончательно решилось.

— Завтра в девять. Вам дадут доступ.

Нина Путятина откинулась в кресле. Её взгляд стал отстранённым, будто она смотрела не на меня, а на какую-то внутреннюю шахматную доску, где моя фигура только что сделала неожиданный ход. Тишина длилась долго. Неприлично долго.

Но я всё равно не успела выдохнуть.

— Но не на ту должность, на которую подавали. Вы будете моим личным стратегическим аналитиком. Служебные обязанности я определяю сама. Отчитываетесь только передо мной. Доступ к информации — по мере необходимости. Зарплата — на сорок процентов выше заявленной ранее суммы. Испытательный срок — месяц.

Она произнесла это ровным, бюрократическим тоном, как будто объявляла об изменении графика уборки. Я моргнула. И еще пару раз.

Личный аналитик. Только перед ней. Информация по необходимости.

— Я согласна, — услышала я свой собственный голос, спокойный и чёткий, хотя внутри всё замерло.

Она кивнула, как будто и не ожидала иного ответа.

— Не опаздывайте. Завтра вас ознакомят с первым кругом задач.

Я встала. Мои движения были механическими. Когда моя рука легла на холодную ручку двери, её голос остановил меня снова.

— И, Валерия Ивановна? — её голос остановил меня у самой двери.

Я обернулась, рука уже на бронзовой ручке.

— Удачи, — произнесла Нина Путятина. Тон был ровным, но в одном этом слове, брошенном почти через плечо, будто сквозило что-то... личное.

Я кивнула, не находя нужных слов, и вышла, заботливо притворив за собой дверь без единого щелчка.

Относительный покой кабинета, немедленно был вытеснен ровным, деловым гулом. Атмосфера офиса наполнилась сосредоточенной энергией людей, которые знают, зачем пришли, и делали своё дело безупречно.

И сквозь этот гул, прямо в основание черепа, ударила волна чистой, неразбавленной эйфории.

Меня *взяли*.

Меня, Валерию Барятинскую, взяли в «НоваМедик»! На позицию, о которой можно только мечтать. Личный аналитик Нины Путятиной.

Глупейшая улыбка сама полезла на лицо, и я едва успела поймать её, превратив в сдержанное, профессиональное выражение. Счастье, горячее и нелепое, пузырилось внутри, пытаясь вырваться наружу хоть глубоким вдохом, хоть блеском в глазах.

Я сделала шаг от двери, чувствуя, как подошвы туфель будто невесомо касаются пола. Всё получилось. Сквозь все её ловушки, провокации и ледяные взгляды — я прошла. Я —
— Вы здесь что делаете?

Голос.

Низкий, с той узнаваемой, раздражающей хрипотцой, которая врезалась в память утром крепче, чем запах дорогого парфюма и невыпитого кофе.

Я замерла на месте.

Медленно, очень медленно, я обернулась.

Он стоял в нескольких шагах, только что вышедший, должно быть, из самой преисподней. Тот самый метр девяносто ходячего высокомерия. На нём был уже другой костюм — тёмно-синий, безупречный. Рубашка — кристально белая. Ни намёка на утренний инцидент.

Но выражение его лица... Это была чистая, ничем не разбавленная ярость. Такая же, что я видела на тротуаре, только теперь она была холоднее, сосредоточеннее и направлена снова прямо на меня.

Его серо-голубые глаза, такие же беспощадные, как и тогда, выжигали меня на месте.

— Я сказал, — его слова падали, как лёд, отчётливые и режущие, — что вы здесь делаете?

Глава 3

Тот голос действовал на мою нервную систему как ледяной душ, за которым следует удар током. Вся эйфория мгновенно испарилась, оставив после себя холодную, трезвую ярость.

Я повернулась к нему полностью, приняв нейтральную, служебную позу. Руки свободно вдоль тела, взгляд — прямо на переносицу. Техника, которую я отработывала годами, чтобы не давать эмоциям вырываться через глаза.

— Я здесь работаю, — сказал мой голос, ровный и вежливый, как автоответчик. — Могли бы вы чем-то помочь?

Он не ответил. Его взгляд, тяжелый и оценивающий, скользнул с моего лица на табличку на двери, за которой осталась Нина Путяткина, и обратно. Шестеренки в его голове вращались с почти слышимым скрипом.

«Собеседование. Тут. Эта... тротуарная помеха».

— Не может быть, — произнёс он тихо, больше для себя. Он провёл рукой по волосам, жест был скорее раздражённым, чем уверенным. Потом его взгляд метнулся к ассистенту у стойки, который тут же сделал вид, что увлечён монитором. Он развернулся, обращаясь к пространству и сотрудникам неподалёку, как будто ища союзников в своём недоумении. — Это нелепо. Кто её нанял? И на какую, простите, позицию?

Слова были произнесены с таким неподдельным, почти художественным отвращением, что у меня челюсть сама собой напряглась. Отличное начало карьеры в «НоваМедик» — быть классифицированной, как нежелательное биологическое явление.

— Если под «этой» вы имеете в виду меня, — парировала я, всё ещё сохраняя ледяной тон, — то, не думаю, что это ваше дело.

Он, наконец, посмотрел на меня так, как будто я была не человеком, а особенно наглым вирусом в его стерильной операционной системе. Его глаза, эти серо-голубые льдины, впились в меня, пытаюсь найти шильдик с маркировкой и названием должности, который всё объяснит.

Я почувствовала, как по спине пробежал противный холодок, но заставила себя не моргнуть. Стоять. Дышать.

— Нет, — сказал он просто, как будто выносил окончательный вердикт. — Это ошибка. Или шутка. Вы не подходите.

— На основании чего вы сделали такой вывод? — спросила я, и в моём голосе зазвучали нотки искреннего, профессионального любопытства. Как будто он был интересным, хотя и неприятным кейсом. — Мы взаимодействовали суммарно сорок пять секунд, и весь наш диалог сводился к моральной оценке стоимости вашей рубашки. Вряд ли это исчерпывающий кадровый аудит.

Его щёки слегка окрасились. Чистой, неподдельной злостью, которую он, видимо, не привык испытывать в таких количествах. Особенно от кого-то в дешёвых, по его меркам, туфлях.

— На основании того, — он сделал шаг вперёд, и теперь между нами оставалось меньше метра. Я почувствовала тот же древесный аромат, лишивший меня на секунду равновесия. Он был высокий, чертовски высокий, и использовал каждую опасную сантиметр своего роста, чтобы давить. — Что вы демонстрируете полное отсутствие уважения, небрежность и патологическую склонность к сарказму в ситуациях, требующих извинений.

Я подняла подбородок. Адреналин, гадкий предатель, начал гудеть в ушах. Но вместе с ним пришла и странная, кристальная четкость ситуации.

— Извинения предполагают вину, — заметила я. — Я свою не признаю. Что касается сарказма... он обычно включается, как защитная реакция на неспровоцированную агрессию. Вы бы предпочли, чтобы я заплакала? Или, может, упала в обморок? Это можно устроить, но потребует дополнительной репетиции и, полагаю, оформления, как сверхурочная работа.

Он замер. В его глазах промелькнуло... любопытство. Как у лаборанта, обнаружившего, что подопытная мышь не только не боится кота, но и пытается прочесть ему лекцию о поведенческой психологии.

— Вы понимаете, — он произнёс это медленно, растягивая слова, — что я могу одним звонком отменить это «предложение»? Что вы сейчас стоите не на тротуаре, а в здании, где каждое ваше слово имеет последствия?

Вот оно. Подтверждение. Он был не просто каким-то топ-менеджером. Он был тем, кто здесь принимает решения. Или, по крайней мере, так думает.

Эта мысль не испугала меня. Она заставила все мои чувства обостриться. Врага нужно знать в лицо. И оценивать его реальный вес, а не громкость крика.

— Понимаю, — кивнула я. — Но, если позволите профессиональное наблюдение, отмена уже заключённой договорённости на основании личной антипатии, возникшей из-за бытового инцидента, выглядит довольно... эмоционально. Не лучший управленческий шаг. Особенно если решение о найме принимал кто-то другой.

Я почти физически ощутила, как мои слова впиваются в него. Он привык, чтобы его боялись. Чтобы его гнев был конечной инстанцией. А я стояла здесь и анализировала его реакцию, как неисправный алгоритм.

Его рука непроизвольно сжалась в кулак, но он мгновенно разжал пальцы, положив ладонь на ручку двери в кабинет Нины Ильиничны. Движение было резким, решительным.

— Это не антипатия, — сквозь зубы процедил он. — Это вопрос стандартов.

Дверь открылась раньше, чем он успел нажать на ручку.

Нина Путятина стояла на пороге. Она выглядела так, будто ожидала именно этой сцены. Ни тени удивления на безупречном лице. Только лёгкая, холодная усталость.

— Максим, — произнесла она. Её голос был негромок, но он разрезал напряжённый воздух с эффективностью лазера. — Ты пугаешь моего нового сотрудника. И блокируешь коридор. Крайне... непрофессионально.

Максим. Так его звали. Максим. Я мысленно занесла имя в чёрный список вместе с «ходячим высокомерием» и «кофейным тираном».

Он не отступил, но его осанка слегка изменилась. Не сгорбился — нет, он никогда бы не сгорбился. Но в нём появилась едва уловимая готовность к обороне. Интересно.

— Нина Ильи... Бабушка, мы должны поговорить, — сказал он, и в его голосе всё ещё звучало требование, но уже приглушённое, упакованное в уважительную форму.

— Обязательно, — согласилась Нина Ильинична, делая шаг вперёд и мягко, но неотвратимо заставляя его отступить из дверного проёма. — В восемнадцать ноль-ноль. В моём ежедневнике есть окно. А сейчас у меня запланирован инструктаж для Валерии Ивановны.

Она повернулась ко мне, полностью игнорируя его присутствие, как будто он был невидимым, хоть и очень раздражающим, элементом интерьера.

— Валерия Ивановна, прошу прощения за задержку. Несколько уточнений по вашему статусу.

Максим замер. Он смотрел на неё, потом на меня, и на его лице боролись гнев и полное недоумение. Он явно ожидал, что его слово будет последним. Что бабушка поддержит его, уволит наглую выскочку, и мир вернётся в свою привычную, удобную колею.

— Её статус? — он не выдержал. — Её статус — покинуть здание.

Нина Ильинична медленно, с преувеличенным терпением, повернула к нему голову.

— Максим. Твоё мнение по кадровым решениям в моём личном аппарате меня пока не интересует. Ты можешь высказать его сегодня в восемнадцать ноль-ноль. А сейчас — не перебивай.

Он замер. Совсем. Буквально. Я видела, как у него в виске задергалась вена, будто пытаюсь пробить гранитный слой самообладания. Его пальцы, все еще лежащие на ручке двери,

побелели в суставах. Он посмотрел на Нину Ильиничну так, будто она только что объявила о продаже компании за доллар первой попавшейся обезьяне в лаборатории R&D.

Но он не сказал ни слова. Просто отнял руку от двери, как от раскалённой плиты, и отступил на шаг. Его взгляд, острый и холодный, скользнул по мне и упёрся в стену где-то позади моей головы. Он выглядел так, словно ему было физически больно дышать тем же воздухом, которым дышала и я.

«Отлично, — мысленно вздохнула я. — Теперь я ещё и токсичное вещество в его личной атмосфере».

— Прекрасно, — сказала Нина Ильинична, как будто только что утвердила незначительную поправку к графику уборки. — Валерия Ивановна, пройдёт. У меня на вас пятнадцать минут.

Она развернулась и пошла в кабинет, не оборачиваясь, в полной уверенности, что я последую. Что вообще кто-то последует. Такая вот привычка.

Я сделала шаг. И тут почувствовала его взгляд. Я заставила себя не оборачиваться, не ускорять шаг. Просто вошла в кабинет, спокойно прикрыв дверь. Последнее, что я увидела краем глаза — он всё так же стоял посреди холла, один, прямой и яростный, как памятник собственному непрошеному мнению.

Дверь закрылась с тихим, но безжалостным щелчком. Тишина кабинета снова обрушилась на уши, но теперь она была другой.

Нина Ильинична уже сидела за своим столом, листая что-то на планшете. Она не предложила мне сесть.

— Извините за этот цирк, — произнесла она, не отрывая взгляда от экрана. Голос был ровным, без тени настоящих извинений. — Мой внук обладает... избыточной уверенностью в своей роли в принятии кадровых решений.

«Избыточной уверенностью» — это мягко сказано. У того парня уверенности хватило бы на небольшую диктаторскую республику.

— Всё в порядке, — автоматически ответила я, всё ещё стоя у двери.

— Нет, не в порядке, — она подняла на меня взгляд. Её глаза были ясными, холодными, как два куса полированного янтаря. — Публичный скандал в холле на второй минуте вашего официального присутствия в компании — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Поэтому план меняется.

Она положила планшет.

— Вы будете работать негласно. Для всех, включая Максима Никитича, вы — новый научный сотрудник в отделе исследований и разработок. Ваша легенда: химик-технолог с фокусом на стабилизации белковых соединений. Вам оформят соответствующий пропуск, рабочее место в лабораторном корпусе, доступ к базам данных по текущим проектам. Вы будете присутствовать на планерках, получать задания от руководителя R&D, доктора Лопуховой. Всё как у всех.

Я слушала, и кусочки паззла сами щёлкали в голове. Научный сотрудник. R&D. Рядом с реальной работой. Рядом с проектами, которыми он управляет.

— Ваша реальная задача, — продолжала Нина, — остаётся прежней: анализ управленческих рисков. Но теперь вы будете делать это изнутри системы, на уровне исполнителя. Вы увидите, как принимаются решения, как доходят приказы, как люди реагируют на давление. Вы будете фиксировать всё: от тона на совещаниях до неписаных правил в курилке. Особое внимание — стилю руководства Максима Никитича. Его взаимодействию с командой, принятию решений в стрессе, приоритетам. Я не жду ежедневных отчётов. Я жду итогового анализа через месяц. Чёткого, структурированного, с доказательной базой, а не эмоциями.

Она сделала паузу, давая мне это осмыслить.

— Это... ловушка для него, — сказала я наконец.

— Это полевая работа, — поправила она сухо. — Он не должен знать, что его оценивают. И уж тем более — кто это делает. Если он узнает, вся ценность наблюдения будет потеряна. А вы станете обузой, которую он постарается немедленно устранить. Легенда — ваша броня. И ваш единственный инструмент. Понятно?

Понятно было более чем. Меня маскировали под безобидного лабораторного червя, чтобы я могла ползать у него под ногами и записывать, куда и с какой силой он наступает. Гениально. Унизительно. Но, признаться, и оправдано.

— А если он... — я запнулась, подбирая слова. — Если он решит, что я как специалист ему не подхожу, и захочет меня уволить? Уже как химика.

Нина Ильинична почти улыбнулась. Почти.

— Доктор Лопухова — человек принципов. Она не терпит вмешательства в свою команду. Если вы будете делать свою лабораторную работу добросовестно — а вы будете, я уже проверила ваш профиль, — то у него не будет формальных оснований. А неформальные... — она пожала одним плечом, — станут отличным материалом для вашего анализа. Его попытки избавиться от вас будут красноречивее любых анкет.

В голове пронеслось: «Значит, меня бросят в клетку к тигру, но дадут халат дрессировщика, но скажут делать вид, что я уборщица... А если тигр почует неладное и решит сожрать уборщицу — это будет ценный вклад в науку о тиграх». Здорово. Просто прекрасно.

— Я согласна, — сказала я, потому что других вариантов не было. Сбежать? После того как я уже почти дотронулась до мечты? Ни за что!

— Разумеется, — кивнула Нина. — Завтра к восьми утра будьте в лабораторном корпусе, этаж ВЗ. Вам выдают белый халат, бейдж и вводный инструктаж по технике безопасности. И, Валерия Ивановна... — она снова посмотрела на меня, и в её взгляде на мгновение мелькнуло что-то тяжёлое. — Химия — это не только про реакции в пробирках. Иногда самые взрывоопасные соединения возникают между людьми. Ваша задача — наблюдать. Не вступать в реакцию.

Она дала мне папку с фальшивыми документами и распечаткой моей новой легенды. Я взяла её, чувствуя, как бумага холодит пальцы.

Как это всё... оперативненько.

Когда я снова вышла в холл, его там уже не было. Только пара ассистентов у стойки бросила на меня быстрые, любопытные взгляды. Я прошла к лифтам, сжимая папку так, что костяшки пальцев побелели.

Лифт приехал пустой. Я зашла внутрь и прислонилась к зеркальной стене, закрыв глаза на секунду.

«Не вступать в реакцию», — сказала она.

Легко сказать. Особенно когда второй реагент — это метр девяносто чистейшего, концентрированного высокомерия, и теперь ты будешь видеть его каждый день. Не как случайную помеху, а как начальника. Как объект исследования. Как... постоянный раздражитель.

Двери лифта открылись на первом этаже. Я выпрямилась, отбросила волосы с лица и пошла к выходу, уже отрабатывая новую роль в голове: скромная, сосредоточенная, незаметная. Химик.

Даже смешно, я и миссия под прикрытием. И провалить её я не могу. Даже если «реагент» окажется гораздо более сложным и притягательным, чем я рассчитывала.

Глава 4

Мой первый рабочий день в «НоваМедик» начался с того, что мне выдали белый халат и пластиковый бейдж с моей новой, улыбающейся физиономией и подписью «Барятинская В.И., Специалист R&D, Лаборатория белковой стабилизации». Я приколола его на грудь, чувствуя себя абсолютно законным самозванцем.

Лабораторный корпус на уровне В3 был другим миром.

Вместо переговорных — ряды ламинарных шкафов, центрифуг и холодильников с тревожными красными надписями «БИОРИСК».

Моим новым боссом оказалась доктор Лопухова — женщина лет пятидесяти с острым взглядом и пучком волос, собранным так туго, что, казалось, он приподнимает ей брови в вечном вопросе. Она провела для меня двадцатиминутный инструктаж, состоявший на 90% из перечисления того, что приведет к немедленному увольнению и, возможно, уголовному делу.

Я кивала с видом полного понимания, мысленно составляя список: не пролить, не вдохнуть, не съесть, не прибить CEO. Последний пункт был моим личным дополнением.

Моей задачей на ближайшую неделю значился «рутинный мониторинг кинетики деградации образца NML-7». По сути, я должна была каждые четыре часа замерять показатели в пробирках с мутной жидкостью и записывать цифры в таблицу. Работа для стажера-первокурсника. Идеальная легенда: я была настолько незаметным специалистом, что моя деятельность была почти неотличима от фоновой работы дорогостоящего оборудования.

Первая планёрка отдела R&D началась в 10:30.

Я пристроилась с краю, рядом с парнем, который непрерывно пил какой-то зелёный смузи и щёлкал стилусом по планшету. Моя цель была не слушать про «оптимизацию протокола очистки», а наблюдать. Объект анализа должен был вот-вот появиться.

Он вошёл ровно через семь минут после начала, без стука. Разговор не замолк, но изменился. Голоса стали чуть чётче, позы — чуть прямее. Доктор Лопухова лишь кивнула, продолжив говорить, но её спина стала визуально тверже. Максим Никитич Голицын прислонился к косяку двери, руки в карманах дорогих брюк, и стал слушать.

Он не сел. Он... занял пространство.

Вот он — CEO в своей естественной среде. Не кричащий тиран, а хищник в состоянии спокойной уверенности. Он задал два вопроса по бюджету на реактивы. Голос был ровным, без хрипотцы, которую я слышала на тротуаре. Деловым. Резким.

Он переспросил про сроки по какому-то доклиническому испытанию, не повышая тона, но от его интонации у меня, сидящей в трёх метрах, похолодели пальцы.

Доктор Лопухова парировала цифрами. Между ними пробежала почти невидимая искра напряжения — не конфликта, но испытания. Он проверял. Она держала удар. Он в итоге кивнул, сказав: «Хорошо. Но отчет к пятнице. Не к понедельнику».

И это не была просьба.

Я смотрела на него, отключив Леру, включив профессионала. Вот мои первые полевые заметки: субъект использует паузу и взгляд как инструмент давления. Решения принимает быстро, на основе минимальных данных, полагаясь на интуицию (потенциальный риск №1: импульсивность). Команда адаптируется под его энергетику, наблюдается микростресс (риск №2: создание атмосферы постоянного фонового давления). Контроль над пространством и временем — тотальный (риск №3: подавление спонтанной креативности, если она не укладывается в его график).

Планёрка закончилась. Он развернулся, чтобы уйти, и его взгляд скользнул по помещению. Чисто формальный осмотр владений. И зацепился за меня.

На секунду в его серо-голубых глазах отразилось чистое, неподдельное «Что, опять ты?». Он узнал меня. Естественно.

Его брови чуть приподнялись. Я почувствовала, как под халатом по спине пробежал противный, горячий холодок. Но я была в роли. Я — Валерия Барятинская, скромный химик. Я опустила глаза на свой блокнот, делая вид, что усердно записываю что-то про рН-факторы.

— Барятинская, — раздался у меня над ухом голос, в котором не было вопроса, только констатация факта. Холодный, ровный и насквозь фальшивый в своей «деловитости». — Наш новый... химик-технолог.

Я подняла голову, сделав на лице максимально нейтральное, «подчинённое» выражение. Внутри всё напряглось, как струна. Он стоял слишком близко, нарушая все нормы корпоративного личного пространства. Сделал это нарочно.

— Максим Никитич, — кивнула я, имитируя легкую робость новичка, которая тут же должна была рассыпаться под тяжестью его взгляда.

Он смотрел прямо мне в глаза, и в его взгляде читалось чистейшее, неразбавленное раздражение.

— Любопытно, — произнёс он, слегка наклонив голову. Голос был тихим, чтобы не слышали другие. — Вчера — стратегический кадр у дверей кабинета моей бабушки. Сегодня — скромная пчелка в лабораторном улье.

Внутренний аналитик тут же зафиксировал: «Субъект использует сарказм, как форму агрессии и проверки границ. Явно пытается вывести из равновесия, чтобы спровоцировать на ошибку или откровенность».

Я притворно смущённо улыбнулась, разводя руками в широких рукавах халата.

— О, вы знаете, современный рынок труда требует гибкости, — сказала я с наигранной лёгкостью. — Но если серьёзно, то это просто корректировка кадрового решения. Нина Ильинична сочла, что мои навыки... оперирования химическими процессами будут востребованы именно здесь.

Я чуть не ляпнула «анализа рисков». Чуть.

Его глаза сузились. Он уловил подвох, но не мог понять, где именно. Он ненавидел это чувство.

— Навыки оперирования, — повторил он медленно, как будто пробуя это слово на вкус и находя его отвратительным. — Какие именно? Анализ состава кофе на тканях премиум-класса? Оперирования словарным запасом, не подходящим под уровень нанимателя?

Вот он, переход на личности. Прямо на рабочем месте.

Потенциальный риск №4: неумение отделять личные конфликты от профессиональных.

— Стабильности коллоидных систем, преимущественно, — парировала я, сохраняя деловой тон. — И протоколов техники безопасности. Первое — чтобы не расслаивалось. Второе — чтобы не взрывалось. Опыт с кофе, признаю, был провальным экспериментом в области адгезии жидкостей к целлюлозе. Не мой профиль.

Я сказала это абсолютно серьёзно, с видом занудного технаря. Внутри же хохотала. Он молчал секунду, и я увидела, как у него напряглась челюсть. Он понял, что его перевели в плоскость абсурда, и это его бесило ещё больше.

— Лопухова вас проинструктировала? — сменил он тактику, вернувшись к сухим, начальственным нотам. — Наша работа не терпит халтуры. И самодеятельности.

«В отличие от твоих кадровых выводов», — пронеслось у меня в голове.

— Доктор Лопухова была очень детальна, — ответила я. — Особенно в части соблюдения субординации и чёткого следования утверждённым регламентам. Я всё записала.

Я слегка подчеркнула «утверждённым регламентам». Намёк был прозрачен: моё назначение — утверждённый регламент. Его мнение против него — самодеятельность.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. В этом взгляде боролись желание тут же раздавить наглухо, притворяющуюся полезной тротуарную муху и холодное понимание, что в этой конкретной точке пространства и времени его власть над ней не абсолютна.

Она была под защитой Лопуховой. И, что куда важнее, под крылом бабушки Нины. Это сводило его с ума.

— Прекрасно, — выдавил он наконец. — Надеюсь, ваши аналитические навыки наконец-то найдут себе достойное применение. В пробирках.

Он развернулся и ушёл, не кивнув, не прощаясь. Его спину — прямую, напряжённую — было видно даже сквозь толпу сотрудников, расступившихся перед ним, как вода перед Моисеем.

Я выдохнула, только теперь осознав, что задерживала дыхание. Сердце колотилось из-за адреналина от дурацкой, опасной игры.

Я мысленно добавила в отчёт: «Субъект демонстрирует высокую степень личной вовлечённости в конфликты, склонен использовать служебное положение для их продолжения, что свидетельствует о недостатке эмоционального самоконтроля. Яркий показатель управленческого риска».

А потом, уже от себя лично, добавила: «И при этом чертовски эффектно выглядит, когда злится. Что, безусловно, является серьёзной помехой для объективности анализа. И для здравого смысла вообще».

Весь остаток дня я старательно делала замеры и параллельно собирала данные. Я слышала, как две лаборантки за чаем вполголоса обсуждали, что «Голицын сегодня в обычном, давит по полной, но хоть не орал».

Я видела, как менеджер проекта, получив его правки по презентации, побледнел и начал лихорадочно переделывать всё с нуля.

Я наблюдала за всем этим с холодным, почти клиническим интересом. Максим Голицын был эффективным менеджером. Он двигал дела. Но его стиль управления был как работающий реактор — мощный, но создающий постоянный фон радиации стресса.

Долгосрочные последствия? Потенциальный выгорание ключевых специалистов, культура замалчивания проблем, риск принятия решений из страха, а не из здравого смысла.

В своём внутреннем отчёте я мысленно поставила ему жирный красный флажок: «Эмоционально-нестабильный фактор. Риск для долгосрочной устойчивости».

Но была одна проблема. Аналитик внутри меня фиксировал риски. А женщина... женщина внутри меня фиксировала, как он вёл пальцами по поверхности стола. Как складка легла у него на рубашке между лопатками, когда он повернулся. Как его голос, этот низкий, раздражающе притягательный баритон, заставлял мурашки бежать по коже, даже когда он говорил колкости.

Отлично, Валерия, — я мысленно дала себе ладонью в лоб, заливая в пробирку буферный раствор. — Ты не только шпион под прикрытием, ты ещё и шпион, у которого объект наблюдения вызывает ненаучный интерес. Профессионально. Очень профессионально.

Перед самым концом дня, когда я уже сдавала халат, я увидела Нину Ильиничну. Вернее, она появилась в дверях лабораторного крыла неспешной, невозмутимой тенью.

Она обменялась парой слов с доктором Лопуховой, кивнула в сторону общих лабораторий — будто случайно скользнув взглядом по моей фигуре у шкафчика — и удалилась.

Но её появление здесь, на ВЗ, кажется, было сообщением. Для меня.

«Я наблюдаю. Всё идёт так, как надо».

Я вышла на улицу, глотнув прохладного вечернего воздуха.

Объект анализа усложнялся. И как всякий хороший, сложный объект, он начинал притягивать к себе всё внимание исследователя. А это, как я прекрасно понимала, и было самым большим риском из всех.

Глава 5

Четыре дня я была идеальной, незаметной химичкой. Мои пробирки не взрывались, таблицы заполнялись с пунктуальностью швейцарских часов, а доктор Лопухова начала кивать мне в ответ на моё «Доброе утро». Я почти поверила в свою легенду. Ключевое слово — почти.

А потом в среду в 14:07 всё пошло куда-то в тартарары.

Сигнал тревоги поначалу был просто раздражающим писком из колонки системы мониторинга лаборатории №3. Потом писк стал настойчивее. Потом в дверь влетел ассистент Слава, бледный, как его лабораторный халат.

— По NML-7 падает активность. Обвал. Температурный датчик в реакторе глючит, показывает 4 градуса, но по факту там уже под 25. Белок денатурирует по полной.

NML-7. Мой мутный, ничем не примечательный «образец». Тот, за чьей «кинетикой деградации» я должна была с таким усердием наблюдать. Оказалось, что это не рутинный тест, а последняя контрольная партия перед отправкой на доклинические испытания. Та, отчёт по которой Максим требовал к пятнице. Стоимость образца? Где-то в районе полугодового бюджета небольшого НИИ. Репутационные потери, если партия будет потеряна? Ещё выше.

Лаборатория №3 превратилась в муравейник, на который наступили. Доктор Лопухова говорила по трём телефонам одновременно, её голос был стальным, но я видела, как дрожат её пальцы. Техники метались между реактором и компьютерами, сыпля терминами, которые звучали как заклинания против надвигающегося провала.

Именно в этот момент в дверь вошёл он.

Максим не бежал. Он вошёл с той же скоростью, что и всегда, но энергетика в комнате изменилась мгновенно. Паника не исчезла, она замерла, сжалась в плотный, болезненный комок. Его лицо было маской холодного, контролируемого гнева. Он выслушал три предложения от Лопуховой, потом резко поднял руку, прерывая её.

— Выключили подачу? Стабилизировали температуру вручную? — его вопросы полнились оправданной резкостью.

— Да, но белок уже...

— Мне не интересно «уже». Мне интересно, что можно спасти. Протокол аварийной стабилизации? Кто отвечал за калибровку датчиков?

Его взгляд скользил по людям, и каждый, кого он касался, внутренне сжимался. Он не орал. Он был тише, чем писк тревоги, и от этого было в сто раз страшнее. Это был гнев, превращённый в нечто ледяное и режущее.

Я стояла у своего рабочего места, в трёх метрах от реактора, и мой мозг, обученный анализировать хаос, начал автоматически раскладывать ситуацию по полочкам.

Проблема: разрушение белка из-за незапланированного нагрева.

Реакция команды: паника, попытки «оживить» уже мёртвое.

Системная ошибка: они пытаются спасти текущую партию, но не блокируют причину. Датчик глючит. Его данные ложные. Любое «ручное» вмешательство вслепую может сделать ещё хуже.

Мои глаза нашли журнал контроля оборудования, который я обязана была просматривать каждый день по инструкции. Я листала его мысленно. Записи за последнюю неделю. Калибровка... была проведена в понедельник. Подпись — техник Петров. Но в понедельник Петров был в отпуске. Я это знала, потому что слышала, как его коллега жаловался на двойную нагрузку.

Я сделала шаг вперёд. Не из геройства. Просто потому, что видела решение, а наблюдать за тем, как умные люди делают глупость из-за слепоты, было выше моих сил.

— Это не поможет, — сказала я. Голос прозвучал громче, чем я планировала, потому что в комнате воцарилась мёртвая тишина после его очередного вопроса.

Все, включая Максима, повернулись ко мне. Взгляд доктора Лопуховой выражал чистое «Замолчи и не высывайся». Взгляд Максима — острое, опасное недоумение. «Ты. Опять».

— Объясните, — произнёс он. Вызов.

Я подошла к стойке с журналами, взяла нужный, открыла на интересной мне дате. Внутри всё подскакивало к горлу, но руки не дрожали.

Аналитик. Я сейчас аналитик.

— Калибровка датчика в понедельник была фиктивной. Ответственный техник был в отпуске. Подпись подделана, вероятно, чтобы отчитаться по графику. Значит, датчик мог начать глючить ещё в выходные. Все данные за последние 72 часа по температуре — недостоверны. Вы не знаете, когда начался перегрев и насколько он был интенсивным. Стабилизация «вслепую» может создать термический шок и добить то, что ещё могло сохранять структуру.

В комнате повисла тишина. Техник Петров, который как раз стоял в толпе и уже начал было что-то бормотать про «сбой питания», побледнел ещё больше.

— Вы утверждаете, что все данные мониторинга за три дня — мусор? — спросил Максим. Его голос был ровным, но в нём послышался лёгкий, опасный перезвон.

— Я утверждаю, что они ненадёжны. И строить на них аварийный протокол — всё равно что тушить пожар, ориентируясь на карту из сказки.

— И что вы предлагаете? Отказаться от попыток и списать полмиллиарда? — в его тоне появились знакомые нотки сарказма. Он проверял. Давил.

— Нет. Предлагаю использовать косвенные данные. У нас есть ежедневные пробы на активность из того же реактора, которые я отбирала для своего «мониторинга». Они хранятся в холодильнике В4. Активность падала не скачкообразно сегодня, а постепенно, начиная с воскресенья. Это говорит о медленном, а не резком повышении температуры. Значит, белок, возможно, не полностью денатурирован. Нужно не пытаться резко охладить, а медленно, по косвенным данным моих проб, вывести систему на расчётную температуру и заморозить процесс. А потом уже разбираться с датчиком.

Я закончила. В голове пронеслось:

Боже, я только что прочитала лекцию по кризис-менеджменту CEO и всей его команде экспертов. Меня сейчас вышвырнут отсюда через окно, благо, мы на ВЗ, это удобно.

Максим смотрел на меня. Долго. Его взгляд скользнул с моего лица на журнал в моих руках, потом на бледного Петрова, потом на Лопухову.

— Доктор? — одно слово. Всё решение он передавал ей. Но в этом слове был и вопрос: «Эта ваша сотрудница вообще в своём уме?»

Лопухова, стиснув зубы, кивнула. Она ненавидела ситуацию, но данные были данными.

— Пробы есть. Логика... имеет право на существование. Стандартный протокол сейчас не работает.

Максим медленно кивнул. Потом его взгляд вернулся ко мне.

— Вы знаете, как это сделать технически? Без данных с основного датчика.

Это был больше не вызов. Это был рабочий вопрос. Пусть сквозь зубы, пусть с тонким слоем недоверия, но он задавал именно вопрос.

— Да. По графикам активности из моих проб можно аппроксимировать температурную кривую. Нужен доступ к ручному управлению реактором и человек, который не будет паниковать и нажимать кнопки чётко по моей команде.

— Хорошо, — сказал он. И, к всеобщему удивлению, включая моё, снял пиджак, перекинул его через спинку стула и закатал рукава дорогой рубашки. — Показывайте. Я не буду паниковать.

Вот так. Всем известный факт: Максим Голицын блестяще разбирался в финансовых моделях и стратегиях, но последний раз подходил к лабораторному оборудованию, наверное, на втором курсе института.

Но сейчас он встал рядом со мной у пульта управления, потому что взял на себя ответственность за решение, которое я предложила. Пусть и из гордости, пусть из нежелания показывать слабость. Но он встал.

Следующие сорок минут были самыми напряжёнными в моей жизни. Я диктовала цифры, сверяясь с графиками на своём планшете. Он вводил их, его длинные пальцы нажимали клавиши с резкой, но точной уверенностью. Мы стояли так близко, что я чувствовала тепло от его тела и тот древесный аромат, смешанный теперь с адреналином. Наши плечи почти соприкасались.

Когда я наклонялась, чтобы показать ему точку на графике, мои волосы едва касались его рукава. Он не отстранялся. Он замер, сосредоточившись. Я видела, как напряжена мышца на его челюсти, как он следит за каждым моим движением. Это была странная, вынужденная близость.

Дыши, — командовала я себе. — Просто дыши и считай градусы. Не думай о том, как пахнет его кожа. Тебе он не нравится! Ты не на свидании, ты спасаешь миллионы.

И это сработало. Температура, выведенная нашими титаническими усилиями по косвенным данным, стабилизировалась. Активность белка перестала падать. Потом, очень медленно, пошла вверх. Реактор был переведён в безопасный режим. Партию удалось сохранить на 70%, что, как позже пояснила Лопухова, было феноменальным результатом в данной ситуации.

Когда на индикаторе загорелся зелёный «Стабильно», в лаборатории выдохнули все. Максим отступил от пульта, разминая кисть. Он посмотрел на меня. Его серо-голубые глаза были без привычной льдистости. В них было усталое, тяжёлое, но чистое уважение.

— Хорошая работа, Барятинская, — сказал он коротко. Не «Валерия Ивановна». Не «вы». Просто — «Барятинская». По фамилии. Было в этом что-то... дружелюбное. Как общаются «свои» между собой.

В этот момент я, похоже, перестала быть для него «тротуарной помехой» или «ошибкой кадров». Я стала специалистом, который чего-то стоил. И он это признал. Всё ещё CEO, всё ещё свысока, но признал.

— Спасибо, — кивнула я, чувствуя, как странное тепло разливается по груди. Не от его слов. От того, что я была права. Что мой мозг сработал, когда это было нужно.

Он кивнул в ответ, уже отворачиваясь, чтобы дать указания Лопуховой по разбору полётов с техниками. Но в его движениях уже не было той ярости, что была в начале.

Позже, когда я выходила из лаборатории, на пороге я столкнулась с Ниной Ильиничной. Она не заходила в лабораторию, она просто стояла там, будто ждала. Её безупречное лицо не выражало ничего.

— Интересный день, — произнесла она ровно, глядя куда-то мимо меня, в коридор, где уже расходились сотрудники.

— Да, — согласилась я, не зная, что ещё сказать.

— Иногда полевая работа даёт неожиданные... плоды, — она медленно перевела на меня взгляд. В её карих глазах мелькнуло что-то вроде холодного, стратегического удовлетворения. — Не опаздывайте завтра.

Я только и могла, что стоять и соглашаться. Странная всё-таки леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.